УДК 94

ПОЛЯРНОСТЬ МАГИИ И ЧУДА В СОЗНАНИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ХРИСТИАНИНА

Игнатченко Д.А.

преподаватель истории и философии
НОУ СПО ЧЮК

Аннотация. Данная работа посвящена поиску различия восприятия магии и чуда в сознании средневекового западноевропейского христианина. Автор ищет ответ на поставленный им вопрос, на основании анализа различных видов латинской литературы и поиска в них проявления специфических народных верований.

Ключевые слова: чудо, магия, христианство, пенитенциалии, святые, *exemplum*, Западная Европа

THE POLARITY OF MAGIC AND MIRACLE IN THE MINDS OF A WESTERN EUROPEAN MEDIEVAL CHRISTIAN

Ignatchenko Dmitry Alekseevich

Abstract. This work is devoted to the search for differences in the perception of magic and miracles in the minds of a medieval Western European Christian. The author is looking for an answer to his question, based on an analysis of various types of Latin literature and a search for the manifestation of specific folk beliefs in them.

Keywords: miracle, magic, christianity, penitential, saints, catholicism, Western Europe.

Мировоззрение человека и его быт непрерывно оказывают взаимное влияние друг на друга. Картина мира человека эпохи средних веков не является исключением. Мировоззренческой доминантой жителя Западной Европы в период средних веков были его религиозные взгляды.

Особенностью мировоззрения средневековых христиан было наличие магического компонента в сознании. Этот магический компонент мог иметь разные формы выражения, одним из которых являлось представление о чуде.

В средневековом сознании граница между естественным и сверхъестественным была зыбкая, а потому чудо как важный аспект проявления сверхъестественных сил было неотъемлемой средневекового восприятия окружающего мира. Важнейшим и решающим в определении чуда была выходящая далеко за рамки повседневного степень удивления. От слова *mirari* («удивляться») происходят все обозначающие чудо средневековые термины. В сущности, в средние века не было точного определения чуда в современном понимании [4, с. 576].

«В средние века существовало целое семантическое поле для обозначения чудесного: от благочестивых до злонамеренных. В благочестивых чудесах видели проявление божественной воли, в ряде других виделось что-то недоступное для человеческого понимания.

Та часть представлений о чудесном, которая была связана с магией, виделась людям той эпохи злонамеренной и не вписывалась в рамки христианского вероучения. Чудеса, сотворенные магией, виделись неестественными и лишенными божественного присутствия, а потому были ложными и нарушали порядок вещей. Антагонизм магии и чуда создавал представление о них как о двух полюсах контакта со сверхъестественными силами» [5, с. 576].

Констатация различных чудес широко представлена в различных литературных источниках. Представление о чуде как проявлении божественной воли, выходя за рамки ученого христианства и попадая в поле народной религиозности деформируется и обретает новые прочтения. Приземленное восприятие народными массами чудес выливается в такие проявления чудесного, как помощь в мирских делах, спасение от бедствий, исцеление и т.п.

«Приземленным религиозным представлениям паствы были необходимы проводники между сверхъестественным и мирским, в роли которого выступили святые. Святой, находящийся в рамках их картины мира «своим человеком» в чуждом потустороннем мире мог различными способами отвечать на запрос народа о чуде. Фигура святых активно использовалась официальной церковью для воздействия на паству и путем закрепления в календаре праздников святых и почитания реликвий, которые были с ними связаны, закрепляла святых в рамках канона» [5, с. 577].

Чудеса по своей форме зачастую тяжело отделимы от языческой магии. Влияние народных представлений ярко отразилось в латинской литературе и широко представлено в агиографии, покаянных книгах и *exempla* («примерах»).

Для того чтобы обеспечить себя чудесами, паства возносила к объектам культа, посвященных конкретному святому, различные дары. В сознании паствы существовало представление о том, что таким образом они заключают договор, по которому святой будет различным образом отвечать им взаимностью и творить чудеса в их пользу.

А.Я Гуревич ярко описывает подобное отношение паствы к святым. «То, что при жизни святой получил подарки, само по себе уже есть причина требовать от него возвратных даров-чудес. Принцип «дар должен быть вознагражден» – один из основополагающих принципов социальных отношений в варварском и раннефеодальном обществе, – как видим, распространялся и на отношения между мирянами и святым. Поэтому дарения охотно приносили в церкви и монастыри тех святых, которые творили чудеса; не происходило исцелений и иных чудес – не было и даров» [1, с. 74-75].

Принимая навязанную паствой потребность в чуде, выраженную в почитании святых, церковь стремилась придать этому каноничную форму. Таким «сосудом» для сохранения и трактовки чудес в нужном русле становится латинская литература, выраженная в легендах и житиях святых. «Привлекательность житий и легенд о святых в глазах самых широких слоев общества очевидна. Сколь естественным казалось непосредственное вмешательство святого в повседневные людские дела! Любой неблагоприятный поступок мог повлечь за собой немедленное наказание со стороны заинтересованного небесного патрона. Сам же святой явно моделировался по образу и подобию человеческому, наделялся теми же эмоциями и страстями, интересами и реакциями, – поистине ничто человеческое не было ему чуждо. Но притягательность его для массы прихожан объясняется, судя по всему, не этим. Сколько бы ни пропитывался образ святого свойствами и настроениями его почитателей, наибольшую ценность в их глазах, несомненно, имело двуединство святости и чудодействия. В трактовке святого явственно ощущается народная потребность в благом сверхъестественном могущественном покровителе. Эти люди поклоняются силе – силе, способной отстоять свои собственные интересы, и защитить подопечных, и творить сверхъестественное. В генезисе жития наряду с евангельской и патристической традицией можно проследить и народную фантазию, сказочные мотивы» [1, с. 88-89].

Идеи, проповедуемые церковью, встречаются в контексте житийной литературы с мощной фольклорной традицией, и это причудливое единство, уже не подлежащее расчленению на составляющие его элементы, становилось

достоянием народной культуры. Популяризация основ христианской религии сопровождалась ее существенной трансформацией. Тем не менее, оставаясь в пределах анализа агиографии, мы можем говорить о том, что этот процесс приноравливания религии к потребностям масс находился под контролем церкви и ею осуществлялся; легенда о святом, имевшая фольклорные истоки, окончательно оформлялась под пером духовного лица.

Однако церковь сталкивалась не с одними только народными преданиями о святых чудотворцах. Ей приходилось иметь дело с паствой, обладавшей собственными взглядами на мир, традициями и верованиями.

Второй «полюс» взаимодействия сверхъестественных сил с миром естественным – магия. Представление об антагонистичной чуду магии нашло свое отражение в другой части латинской литературы – пенитенциалиях. Для того чтобы приблизиться к пониманию этой очень существенной стороны духовной жизни эпохи, необходимо обратиться к иным жанрам среднелатинской словесности. Начнем с пенитенциалиев, «покаянных книг» – пособий по исповедальной практике, которыми пользовались католические священники.

Исследователи раннесредневековой культуры нередко ставят перед собой задачу выяснить, какие из пережитков язычества, обличаемых церковными авторами, в том числе и составителями «покаянных книг», восходят к древнегерманским верованиям, а какие – к античной религии. Однако далеко не всегда удается достигнуть достаточно убедительного решения этого вопроса, так как многие суеверия и представления, осуждаемые в пенитенциалиях, вообще вряд ли возможно квалифицировать в понятиях германского или романского язычества. Скорее, они представляют собой более глубинный, «первоначальный» пласт народного сознания. Он связан, прежде всего, с магией – специфическим способом человеческого поведения, не принимающим в расчет связей естественной причинности и опирающимся на уверенность в эффективности такого воздействия на окружающий мир, которое проистекает из непосредственной включенности человека в природу [1, с. 137].

Пенитенциалии изобилуют примерами различных магических обрядов, совершаемых с целью получения сверхъестественного воздействия на многие сферы жизни. Здесь мы не видим фигуры святого, как посредника между Богом и паствой. Человек сам становился пользователем потусторонней силы, результат которой был достигнут путем совершения определенного магического ритуала.

А.Я.Гуревич, анализируя пенитенциалии, приводит большое обилие различных примеров магических обрядов, ссылаясь на немецкого теолога Германа Йозефа Шмидта, который анализировал покаянные книги, собранные средневековым немецким канонистом Бурхардом Вормским.

«По словам того же Бурхарда, «нечестивые люди» – свинопасы, пахари и охотники, – распевая дьявольские песнопения над хлебом, травами или какими-то узлами, очевидно с магическими формулами, и затем разбрасывая их на перекрестках двух или трех дорог, избавляют своих животных и собак от моровой язвы или другой напасти, а чужих губят» [1, с. 140].

Данное проявление магического обряда лишь одно из многих, описанных Бурхардом Вормским в собранных им покаянных книгах. Его паства практиковала различные ритуалы, среди которых были попытки магическим образом добиться плодородия почвы, создание различных целебных зелий и снадобий, обереги от мифологических существ. Бурхард Вормский так же описывает ведовство и магические действия над трупами.

Еще одним источником для констатации наличия у средневекового христианина представлений о чуде и магии являются *exemplum* или «пример». «*Exemplum* – короткий рассказ, принимаемый за истинный и предназначенный для включения в речь, как правило, в проповедь с целью преподнести слушателям спасительный урок» [2, с. 594].

Этот элемент проповеди был насыщен различными проявлениями потусторонних сил, которые должны были вызвать у паствы яркую эмоцию и таким образом отразится в сознании. Грань между «примером» и агиографическими трудами размыта. Эти две части латинской литературы объединяет одно – попытка воздействовать на паству и закрепить в рамках христианского канона запрос о чуде.

Авторы агиографий наполняли свои труды «примерами» из жизни святых, в которых путем привязки к месту, времени или персоне укрепляли в пастве веру в чудо, которое является проявлением божественной силы. Одним из таких авторов является Яков Ворагинский, который в своем труде «Золотая Легенда» представляет большое количество различных проявлений этой силы в руках святого, способного творить различные чудеса.

В «Золотой Легенде» *exemplum* не используется как отдельный вид спасительного урока, а как бы растворяется в агиографическом содержании. Однако, на основании специфики хронотопа *exemplum*, его привязки ко времени и месту, а так же персоне, которая сообщает о чуде, мы можем выделить «примеры» на общем фоне. Яркие примеры чудодейственной силы

святых, тонко вплетенные в их жизнеописание, представляют нам картину удивительно широкого спектра проявления потусторонней силы.

Святые способны не только исцелять от болезней, но и всячески влиять на жизнь паствы. Одним из видов подобного воздействия является непосредственное спасение жизни избавлением от опасности, которое широко представлено в различных житиях и разделах, посвященных праздникам в честь святых.

Интересный пример спасения целого города от бедствия представлен в житии Святого Германа: «В то время жил святой Луп, епископ Труа. Когда город осадил полководец Атилла, святой Луп окликнул его с городских ворот и спросил, кто он такой, чтобы осаждать город. Тот ответил: “Я – Атилла, бич Божий”. Тогда смиренный слуга Божий произнес в ответ: “Увы мне, я – Луп, разоритель стада Божия, заслуживший бич Божий!”. Луп тотчас приказал распахнуть ворота. По промыслу Божию слепота поразила воинов Атиилы, и они прошли через город от одних ворот до других, никого не увидев и никому не причинив вреда» [4, с. 121-122].

Данная ехемпла является одним из множества примеров, в которой ярко проявляется божественное происхождение сверхъестественных сил, возымевших чудодейственный характер и влияющих на судьбу паствы через фигуру святого. В тексте Якова Ворагинского святые управляют животными [3, с. 383], выводят на чистую воду преступников [3, с. 107], спасают от воздействия потусторонней силы дьявольской природы [4, с. 201-202], спасают души грешников на страшном суде [4, с. 201] и одерживать победы в битвах с грозным врагом [4, с. 122-123].

Таким образом, обилие источников о религиозных представлениях дает нам возможность предположить наличие в сознании паствы представлений о чуде и о магии, которые были двумя «полюсами» взаимодействия потустороннего мира с миром земным.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – Москва : Искусство, 1981. – 359 с.
2. Гуревич А. Я. Exemplum – С.594-597 // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А. Я. Гуревича. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 624 с. – ISBN: 5-8243-0410-6.
3. Иаков Ворагинский Золотая легенда. Том I / Пер. с лат. И. И. Аникьев, И. В. Кувшинская. – Москва : Издательство Францисканцев, 2017. – 694 с. – ISBN 978-5-386-12182-2.

4. Иаков Ворагинский Золотая легенда. Том II / Пер. с лат. И. И. Аникьев, И. В. Кувшинская. – Москва : Издательство Францисканцев, 2018. – 694 с. – ISBN: 978-5-89208-134-4.

5. Лучицкая С. И., Арнаут Ю.Е. Чудо – С.575-578 // Словарь средневековой культуры / под общ. ред. А. Я. Гуревича. – Москва : РОССПЭН, 2007. – 624 с. – ISBN: 5-8243-0410-6.